

«Темные места» в былине «С каких пор перевелись богатыри на Святой Руси»

Сюжет о гибели богатырей — «С каких пор перевелись богатыри на Святой Руси» — был записан Л.А. Меем в Сибири от Ивана Андреева в 1840 г., а в 1862 г. опубликован П.В. Киреевским в четвертом томе его «Песен»¹. Однако на протяжении XIX–XX вв. отношение к происхождению этого сюжета было неоднозначным.

Первым усомнился в подлинности текста П.Н. Рыбников, который счел запись Мея литературной подделкой². В середине XX в. эту точку зрения — в статье «К вопросу о научной оценке текстов русских былин» — поддержала Н.К. Митропольская³. Ю.И. Смирнов в Указателе былинных сюжетов поместил запись Мея в раздел книжных обработок⁴. Ряд доводов в пользу заимствования сюжета из книги привел Ю.А. Новиков⁵. По его мнению, для русского эпоса не характерны такие особенности меевского текста, как поочередный поединок каждого из трех богатырей с одним и тем же противником, необычность состава богатырской дружины, идентичность эпических повторов. С этими доводами трудно не согласиться, имея в виду данный конкретный вариант, однако они не могут служить доказательством книжной основы сюжета в целом.

Осторожную позицию по поводу сибирского варианта заняла в свое время А.М. Астахова, утверждавшая, что вопрос о меевской записи «нуждается в доисследовании»⁶. В народности записи Мея не сомневались А.Н. Веселовский⁷ и Вс. Ф. Миллер⁸, народную основу сюжета (не слишком, впрочем, убедительно) отстаивал и П.Д. Ухов⁹.

Н.И. Толстой без колебаний включил эту былинку в основной корпус русского героического эпоса — как редкий и единственный сюжет, повествующий о гибели русских богатырей¹⁰.

Общее число опубликованных вариантов и версий сюжета, включая контаминации, достаточно велико, ареал его распространения широк: былина о гибели богатырей бы-

тует не только в Сибири и Бурятии, она известна в Белоруссии (Гомельская область), на Вологодчине, особенно популярна на Русском Севере — в Заонежье, на Пудогге, на Кулое, Мезени, Пинеге, Печоре, Кенозере, на Зимнем берегу Белого моря, на Онеге¹¹.

В тома 16 и 17 «Свода русского фольклора» — «Былины Пудогги» — включены три текста на данный сюжет: один — самостоятельный, стихотворный (из архива РГАЛИ), записанный в 1928 г. С.П. Бородиным, Э.Г. Бородиной и Ю.А. Самариным от известного исполнителя Григория Алексеевича Якушева¹²; и два контаминированных текста: прозаический — Ивана Федоровича Мишкина¹³ и стихотворный — Ивана Антоновича Ремизова¹⁴ (записи сделаны в 1940 г. Г.Н. Париловой и хранятся в архиве Карельского научного центра РАН).

Наличие большого количества текстов, бытующих в разных областях России, свидетельствует: былина о гибели богатырей — не плод литературного вымысла, а подлинно народное произведение. Что касается записи Мея, то, по мнению Н.И. Толстого, он мог отредактировать, «причесать» текст, как это делал Вук Караджич и многие другие¹⁵.

Поскольку сюжет, сочтенный значительной частью эпосоведов «литературным», обойден вниманием специалистов, кратко изложим его версии, бытующие на Пудогге.

Прославленные русские богатыри (в разных текстах — от трех до семи) выезжают на Сафат-реку, где разбивают шатер. Наутро Добрыня, Алеша и Илья последовательно вступают в поединок с силой басурманской. Изрубив врагов, они начинают похваляться, что готовы к новому бою с «небесной силушкой». Являются два воина, которые вызывают богатырей на новый бой. Налетают богатыри на воителей и разрубают их пополам:

Пересикли двух — стало ведь четверо,
Четверых убили — стало восьмеро,
Как больше, больше и больше-то.
Как бьются они день да другой,
Третий ведь день да видь третью ночь, —
Силы тут оказалось и сметы нет...¹⁶

Обессиленные богатыри окаменевают. С тех пор, поется в былине, перевелись богатыри на Святой Руси.

...Да сделались оны камнями неподвижнама.
Как все тут богатыри решились,
Не стало боле видь да богатырей
На туей Руси святорусьских¹⁷.

Мотивы удвоения врагов (оживающей, множасьей «силы нездешней») и окаменения богатырей присутствуют и в более сложных по построению, контаминированных текстах И.Ф. Мишкина и Н.А. Ремизова¹⁸. Наряду с похвальбой — вызовом «силам небесным», они находят параллели в записях других регионов¹⁹.

Что же представляет собой «сила нездешняя», с которой вступают в бой русские богатыри? Ее могут именовать «неверной силой»²⁰, «неведомой силушкой»²¹, «поганой силой»²², «нечистой силой»²³. Ее считают «войском Идолища»²⁴, отождествляют с извечными врагами былинной Руси — «ратью Мамаю безбожного»²⁵, захватчиками-татарами²⁶ и пр.

Подобная сила оказывается «нездешней» преимущественно в плане своей чуждости, «иноверности» (противостояния русским богатырям и православной Руси)²⁷. В то же время это — ожившая «сила земная»: нечистые мертвецы, с которыми «живым не наратиться», наказующие гордецов и святотатцев, бросивших вызов «силе небесной». Некоторая парадоксальность коллизии снимается тем, что «неверная сила» действует по воле Господа либо Богоматери²⁸.

Один из наиболее сложных вопросов, возникающих при анализе структуры и семантики сюжета о гибели богатырей, — о сути «двойного удара» — должен быть рассмотрен и в контексте конкретной былины, и шире — в фольклорной традиции. Н.И. Толстой удвоение «поганой силы» объясняет символически чисел (ср.: два воина в результате второго удара удваиваются²⁹). При этом он видит прямые параллели этой былинной символики в других славянских традициях и в иных жанрах, в частности, в быличках о черте, которого можно убить лишь одним (первым) ударом: второй удар становится оживляющим³⁰.

В русских былинах мертвая земная сила восстает и двоятся. Согласно одной из версий сюжета, разгневанный Бог спускает на богатырей, осмелившихся заявить, что они гото-

вы сразиться с силой небесной, огненный столп, который удваивается от каждого нового удара³¹.

Везде, как мы видим, присутствует числительное «два», но объясняется ли сила второго удара числовой символикой? По-видимому, нет. Для обоснования такого вывода имеет смысл провести хотя бы беглое сравнение с иной мифологической системой, где символика чисел выступает со всей очевидностью. Примером может послужить китайская фольклорная традиция, где 1 символизирует небо, 2 — землю, 3 — человека и т.п.

В русском фольклоре некоторые числа, как правило нечетные (3, 7, 9), тоже сакрально отмечены. Эти числа широко употребляются в мифологических текстах и ритуальной практике. Что касается чисел 1 и 2, то в русской культурной традиции за ними не закреплено постоянное символическое значение; нередко они не рассматриваются только как числа и оформляются иначе, чем другие числительные (3, 5, 12 и др.).

Как и в былинном эпосе, в русских сказках восходящий счет (от единицы и далее) может выражаться словами «другой», «больше», «несколько», «остальные». То же самое К.А. Богданов отметил и в заговорах, где речь идет не о числе как таковом, а о счете как «процедуре мысли и акциональной практике, хотя и выражаемой часто числительным, но к числительным тем не менее несводимой»³². В заговорах с четким количественным выражением определенного числительного возможны иные лексические выражения порядка увеличения счета.

В русском эпосе формула возрастающего счета далеко не всегда бывает последовательной и строго закрепленной. Ср.: «...срубил одну голову с первого раза — у змея их стало *шесть*, потом — *восемнадцать*»³³. «...Раз махнул — и снял с него *шесть* голов; в другой махнул — и *остальные* сбил»³⁴. В первый раз сказочный герой отрубает у двенадцатиглавого змея сразу *шесть* голов. «*Другой раз* сразились — *пять* голов ссек, *одна* осталась. <...> ...Подошел, сразился *третий раз*. Тюкнул по голове — село опять *двенадцать*. *Четвертый раз* сразились — *одинадцать* голов отмахнул, *одна* осталась»³⁵. Иван-богатырь ссекает *пять* голов — у змея вырастает еще *пять*; отсекает *одну* — вырастают *двенадцать*³⁶.

Отрубание голов змея (от одной до девяти либо двенадцати — по «формуле восходяще-

го счета») в сюжетах сказок приводит иногда к соответственному «нисходящему» результату: в той же последовательности, в какой происходит отсечение голов, герой уходит в землю — сначала по колени, затем — по пояс и наконец — «по самые плечи»³⁷. В тексте из Красноярского края с каждым новым ударом герой погружается в землю (сразив девятиглавого змея — по пояс, двенадцатиглавого — по подмышки)³⁸.

Поверженный противник в фольклорных сюжетах может просить дополнительного удара, по сути — оживляющего и потому запретного. Ср.: змей молит ударить его дважды, на что герой отвечает: «Русская рука однажды бьет, да не больно милует!»³⁹ В сказке «Еруслан Лазаревич» меч-кладенец придавлен неким огромным туловищем.

Как станешь к ему [туловищу] доезжать, он и обрадеет, а ты ударь этим мецём, он и завертнется как дьявол и станет говорить: «Прибаў, прибаў!» А ты ему скажи: «Нет цести, хвалы молодью, што с двух раз убивает, а то цесть и хвала, што с одново убивает!»⁴⁰

Тот же мотив распространен в быличках о расправе с колдунами и ведьмами:

Колдун рассердился, бежит к нему на двор. Только хотел было схватить, а солдат не дал маху — как урежет его наотмашь осиновым поленом! Колдун и с ног долой! «Ну, внучек, ударь еще раз!» — «Будет с тебя и этого!» Тут запел петух — старик окостенел и замолчал...⁴¹

В тексте из Новгородской губернии хозяин гоняет провинившегося домового — бьет его и приговаривает: «Вот те первой! Вот те первой!»⁴²

Художественный эффект удвоения встречается как в русских былинах о гибели богатырей, так и в западноболгарской эпической песне (запись 40-х гг. XIX в.). Здесь главный герой (Черный Арап), дабы остаться в живых, просит нанести ему второй удар. Н.И. Толстой отмечает уникальность данного текста, так как «во всех других вариантах этой песни, записанных в Болгарии и Македонии, мотив просьбы о вторичном ударе отсутствует»⁴³.

Таким образом, формула второго удара, являясь общефольклорной, встречается в произведениях разных жанров.

Сюжет о том, как перевелись богатыри на Святой Руси, зачастую контаминируется с сюжетом о Святогоре⁴⁴. Такая контаминация органична: смерть сильнейшего богатыря как бы предвещает гибель остальных. В традици-

онной версии былины о Святогоре богатырь, заточенный в гробе, ждет освобождения от каждого нового удара по своему узилищу. Однако очередной удар лишь умножает число железных обручей, оковывающих гроб⁴⁵. «Восходящий счет» приводит здесь к обратному, «нисходящему», губительному результату. О магии числа в вышеприведенных примерах речь вообще не идет; символика числа не способна объяснить мифологическую сущность второго удара. По-видимому, в основе этой формулы лежит действие (удар), а не число.

Подтверждением служит тот факт, что формула последовательного отсекаания голов змея или разрубания врага хоть и включает возрастающий счет, но может быть вообще не связана с числительным «два» (вместо пяти срубленных голов вырастают еще пять, на месте одной головы — двенадцать и пр.)⁴⁶. Именно в ударе, как правило повторном, заключена магическая сила. Удар как действие приводит к оживляющему либо умертвляющему результату (бинарная оппозиция «жизнь — смерть»). Причем повторное действие (два, три... много раз) далеко не всегда закреплено числовым маркером.

Мотив окаменения в завершающей части былины о гибели богатырей вполне традиционен, он имеет близкие параллели в различных жанрах русского фольклора. В былинах этот мотив — почти исключительно принадлежность сюжетов об утрате богатырями силы и об их исчезновении, точнее — о переходе из бытия в небытие, принимающем форму обращения в камень.

Таких текстов, согласно Указателю, составленному Ю.И. Смирновым, насчитывается не менее тринадцати⁴⁷. Ареал их бытования — преимущественно Русский Север и Сибирь (одна запись зафиксирована в Белоруссии). Действие интересующих нас былин, как правило контаминированных, развивается по нескольким схемам, в частности:

1) богатыри готовы побить небесную силу; тщетно бьются с силой земной и каменеют⁴⁸;

2) богатыри намерены «вернуть небо и землю», «срыть всех богов» и «быть вместо них»; тщетно бьются с силой земной и каменеют⁴⁹.

Сюжеты подобного типа неизменно включают мотивы вызова богатырей высшим (небесным) силам и поражения в бою с силами

земными, оживающими и действующими по воле сил небесных, которые карают непомерную дерзость и гордость богатырей. О «гневе Господнем» прямо говорится в одной из вологодских записей⁵⁰.

С христианизированной мотивировкой соседствуют иные, не христианские воззрения, прослеживающиеся в тех текстах, где камнеет один Илья Муромец (всего по Указателю их шесть), которые более сложны по построению и семантике. Достаточно отметить, что два из четырех подобных текстов завершаются не поражением, а победой над оживающей «силой земной», после чего Илья Муромец едет в Киев и по дороге окаменевет⁵¹. В заонежском сюжете, в общем сходном с упомянутыми, прямо говорится о том, что Илья «пересиливается» в бою (при этом окаменевет его конь, а мощи Ильи «делаются святыми»)⁵². По другой версии Илья Муромец, видимо также безвозвратно утратив силу, едет в город, чтобы умереть, и окаменевет по пути⁵³. Мотив «пересиливания» (то есть невозможной утраты силы), за которым следует мотив окаменения (перехода в небытие или инобытие), еще более отчетлив в тех текстах, где Илья Муромец пытается поднять сумочку с «тягой земной»⁵⁴ или бьется с двенадцатиглавым змеем, уходя по колена в землю⁵⁵. Утратив силу, богатырь становится камнем.

Итак, окаменение богатыря может быть карой высших сил или результатом «пересиливания» (утраты силы), следствием святотатства либо непомерности возложенной на себя задачи.

Мотив окаменения вследствие греховного, святотатственного поведения распространен в легендах и преданиях. Ср., например, предание Томской губернии о богатыре, «сильно обижавшем народ», который окаменел, «когда исполнилась мера его беззакония»⁵⁶.

Были в старину богатыри, они пили пиво и вино по целой братине зараз, не переводя духа. Ныне их нет, они прокленены, и все окаменели. Под городищем, у Спаса, жил один богатырь, когда проклинали, он окаменел в таком самом положении: якобы хотел садиться на коня, поставил ногу в стремя и тут же окостенел на веки вековечные. И по весне, по временам, слышится там, в горе, в кургане, богатырский голос и посвист, мелькает огонек и тлится⁵⁷.

Ср. также мотивы окаменения богатырей, героев и коней героев (в том числе — в результате проклятия либо заклятия) в преда-

ниях Архангельской, Тульской, Пермской и ряда других губерний⁵⁸. Подобными трансформациями могут объясняться возникновение необычных или же почитаемых компонентов ландшафта (гор, утесов, каменных глыб): более современные представления накладываются, по-видимому, на древнейший культ камней.

В мотиве окаменения вследствие утраты силы на первый план выходит, думается, особая природа богатыря — существа непомерной силы и необыкновенного происхождения. Согласно поверьям ряда губерний, в отличие от «порождений земли» (людей, растений, животных, чудовищ) ангелы и дьяволы «понаделаны из камней» и в камни же обращаются, «если обеспокоить их крестным знаменем»⁵⁹. Камень — сверхтвердая и сверхпрочная субстанция — уместная форма превращения сверхсильного и сверхстойкого богатыря.

С другой стороны, камень в воззрениях крестьян предстает «живым», «растущим» и трансформирующимся.

Камни, они растут. Убережь камни с поля, все, нету ничего, чисто. А через год-два они снова из земли покажутся. Уж не знаю, как это, а растут камни, сам видел⁶⁰.

Камни произошли оттого, что Бог послал мелкий каменный дождь с неба. Камни на земле стали расти, и они бы и теперь росли и заполнили бы все места на земле, да выискался один святой (имени не называют), который пожалел нас, грешных, заградил рост камней, зааминил⁶¹.

В народных осмыслениях камень («живой и меняющийся») включает в себе не только конец, но и начало бытия, исцеляет и животворит⁶². Дабы оживить погибшего Ермака, его «забивают с головой в камень»: через три дня и три ночи камень раскалывают и Ермак выходит из камня живым⁶³.

По мнению современной исследовательницы, «мотив обращения героя в камень обусловлен двойственными представлениями о камнях на могилах и о камнях — бывших „людях“»⁶⁴.

Окаменение богатырей в былинах как будто бы не предполагает дальнейших трансформаций (в отличие от некоторых сюжетов сказок и легенд, где камень — одна из форм последовательных превращений). И все же в корпусе текстов русских былин (в целом) камень — лишь одна из форм «не — бытия» героя, бессмертного в иных своих ипостасях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Песни, собранные П.В. Киреевским: Изданы Обществом любителей российской словесности. Вып. 4. М., 1862. С. 108–115.

² Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: В 3 т. / Под ред. А.Е. Грузинского. 2-е изд. М., 1910. Т. 3. С. 324.

³ Митропольская Н.К. К вопросу о научной оценке текстов русских былин: Былины о борьбе Ильи Муромца с Калином-царем // Учен. зап. Вильнюс. ун-та: 6. Сер. ист.-филол. наук. Т. 2. Вильнюс, 1955. С. 101–117.

⁴ Смирнов Ю.И. Былины: Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М., 2010. С. 57.

⁵ Новиков Ю.А. Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. СПб., 2001. С. 112–120.

⁶ Астахова А.М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 125–126.

⁷ Веселовский А.Н. Южнорусские былины Т. 3. СПб., 1884. С. 287–305 (гл. 4: «Как перевелись на Руси богатыри»).

⁸ Миллер В.Ф. К былине о Камском побоище // Изв. ОРЯС. Т. 7, кн. 2. СПб., 1902. С. 1–31.

⁹ Ухов П.Д. О подлинности текста, записанного Меем // Научн. докл. высш. шк.: Филол. науки. М., 1958. № 1. С. 86–99.

¹⁰ Толстой Н.И. Мифологическое в славянской народной поэзии: Отчего перевелись богатыри на Святой Руси // Живая старина. 1996. № 4. С. 36–37.

¹¹ См.: Смирнов Ю.И. Былины. С. 51–57.

¹² Свод русского фольклора: Былины: В 25 т. Т. 17: Былины Пудого. № 264. В печати.

¹³ Там же. № 265.

¹⁴ Свод русского фольклора. Т. 16: Былины Пудого. СПб., 2013. № 35.

¹⁵ Толстой Н.И. Мифологическое в славянской народной поэзии. С. 36–37.

¹⁶ Свод русского фольклора. Т. 17. № 264.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Тыи бросились, стало из [тридцати двух] более шестьдесят и так что не рубят — войска перед глазами все больше и больше стало. Им уже хватило всем работы, все прибывало войско, так что вся площадь заполнилась войском. Стали ихны силы ослабевать; как который не станет рубить, захочет [на] гору уехать, подойдет и превратится в камень» (Там же. № 265); «Как если шелкнут одного, — с его два станет, а убить-то не могут никого тут. Как побежали-то ены топерь к шатрам, который побежал да поглянул назад сейчас, как объявился ен большим-то камнем» (Там же. Т. 16. № 35).

¹⁹ Едемский М.Б. Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1905–1908 гг. // Живая старина. 1912. Вып. 2–4.

С. 245–246; Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. подгот. А.М. Астахова, Э.Г. Бородин-Морозова, Н.П. Колпакова, Н.К. Митропольская, Ф.В. Соколов. М.; Л., 1961. № 96; Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. Т. II. Прага, 1939. № 64.

²⁰ Едемский М.Б. Семнадцать сказок... С. 245–246.

²¹ Свод русского фольклора. Т. 17. № 265.

²² Беломорские былины, записанные А.В. Марковым / Предисл. В.Ф. Миллера. М., 1901. № 81.

²³ Свод русского фольклора. Т. 17. № 265.

²⁴ Архангельские былины и исторические песни... № 64.

²⁵ Свод русского фольклора. Т. 17. № 264. См. также: Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П.С. Ефименко. Ч. 2: Народная словесность. М., 1878. С. 35. (Изв. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАиЭ). Т. 30, вып. 2: Тр. этнографического отд. Кн. 5).

²⁶ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 2. № 75; Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. Т. 2. М.; Л., 1950. № 138. Ряд исследователей считает «классические варианты» былины о гибели богатырей тесно связанными с литературными повестями Куликовского цикла. См.: Азбелев С.Н. Былины об отражении татарского нашествия («Ермак и Калин», «Камское побоище», «Илья и Калин») // Русский фольклор. Т. 12. Л., 1971. С. 162–180. Очевидно, однако, что многообразие интерпретаций и полисемантичесность образов выводят данную былинку за пределы конкретных исторических рамок.

²⁷ Показательно наименование неведомой силы «чудью» (Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю.М. Соколова; Подгот. текстов, примеч., словарь В.И. Чичерова. М., 1948. № 215). По фольклорно-этнографическим материалам Архангельской, Олонецкой, Вятской, целого ряда других областей под «чудью» подразумевались и первопродки-первопоселенцы, богатыри и чародеи, и «чудные люди» («дикий народ»), и завоеватели-иноземцы (Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П.С. Ефименко. Ч. 1: Описание внутреннего и внешнего быта. М., 1877. С. 172, 186. (Изв. ИОЛЕАиЭ. Т. 30, вып. 1. Кн. 5); Колмогоров А. Поездка по Чухарии // Землеведение. 1905. Т. XII, кн. 3–4. С. 110; Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края: Очерк, сост. Н.Ф. Кудрявцевым: В 3 вып. Вып. 3. Вятка, 1901. С. 20–21.

²⁸ Ср.: богатыри, сражающиеся с осадившей Иерусалим чудью, отвергают пожелание Богоматери «Бог помочь!»; по воле оскорбленной Матери Божьей побитая чудь оживает, двоится, а богатыри убивают друг друга (Онежские былины.

№ 215). Сходное по сюжетике сказание XVIII в. — «Иерусалимская история» — публикатор характеризует как «памятник рукописной духовной словесности» и, одновременно, «фрагмент фольклорной традиции», плод «интертекстуального взаимодействия эпических жанров» (*Алпатов С.В.* «Иерусалимская история» — духовный стих-былина XVIII в. // *Живая старина.* 2012. № 1. С. 3). При несомненности книжного влияния (взаимовлияния) сюжет о гибели богатырей был вполне усвоен народной традицией, бытовал в разных версиях, менял акценты. Достаточно упомянуть тексты, в которых Богородица спасает богатырей, бросивших вызов небесной силе, указывая: «Живым с мертвыми не наратиться» (Архангельские былины и исторические песни... Т. 3. СПб., 1910. № 111; Т. 2. № 91). В мезенской записи спасительница богатырей-бахвальщиков — «прожравшая» ожившую силу земля (*Едемский М.Б.* Кулойско-Мезенский край. (Этнологические наблюдения в 1927 г.) // *Изв. Рус. геогр. о-ва.* 1929. Т. 61, вып. 1. С. 112–115).

²⁹ «Как вдруг идут солдаты да два молодца, как тут наехали да и на молодцев, пересикли двух — стало ведь четверо...» (Свод русского фольклора. Т. 17. № 264). Ср. сходный эпизод с двумя татарами (Там же. Т. 16. № 35).

³⁰ *Толстой Н.И.* Мифологическое в славянской народной поэзии. С. 36–37.

³¹ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом... Т. 2. № 168.

³² *Богданов К.А.* Счет как текст в фольклоре // *Русский фольклор: Материалы и исследования.* Т. 32. СПб., 2004. С. 162.

³³ *Смирнов А.М.* Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. Пг., 1917. Вып. 2. С. 790. (Зап. Рус. геогр. о-ва по отд. этнографии; т. 44, вып. 1 и 2).

³⁴ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. Т. 2. М., 1986. С. 92.

³⁵ Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915. С. 97–98.

³⁶ *Смирнов А.М.* Сборник великорусских сказок... С. 662.

³⁷ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. 1. М., 1984. С. 228–229.

³⁸ Сказки Красноярского края: Сборник М.В. Красноженовой. Л., 1937. С. 193, 195.

³⁹ Сказки и песни Белозерского края. С. 327.

⁴⁰ Там же. С. 212.

⁴¹ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. 3. М., 1985. С. 65.

⁴² *Остряков П.Г.* Суеверия в Новгородской губернии // *Новгородские губернские ведомости.* 1861. № 46. С. 396.

⁴³ *Толстой Н.И.* Мифологическое в славянской народной поэзии. С. 37.

⁴⁴ Свод русского фольклора. Т. 16. № 35; т. 17. № 265.

⁴⁵ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 2. № 138; Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. 4-е изд. Т. 1. М.; Л., 1949. № 1; и др.

⁴⁶ См. выше.

⁴⁷ *Смирнов Ю.И.* Былины. С. 51–54.

⁴⁸ Архангельские былины и исторические песни... Т. 2. № 64; Былины Печоры и Зимнего берега. № 96; Свод русского фольклора. Т. 17. № 264, 265. Сюда же можно отнести не совсем ясный по построению текст из личного архива Ю.И. Смирнова (Онега, 1964 г.), а также пудожскую запись, завершающуюся, наряду с окаменением богатырей, вознесением Ильи Муромца (Свод русского фольклора. Т. 16. № 35).

⁴⁹ *Едемский М.Б.* Семнадцать сказок... С. 245–246; Текст из личного архива Ю.И. Смирнова (Мезень, 1975).

⁵⁰ *Едемский М.Б.* Семнадцать сказок... С. 245–246.

⁵¹ Архангельские былины и исторические песни... Т. 3. № 90; Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Изд. подг. Ю.И. Смирнов, Т.С. Шенталинская. Под ред. Б.Н. Путилова. Новосибирск, 1991. № 162.

⁵² Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 2. № 75.

⁵³ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. № 162.

⁵⁴ *Сидельников В.М.* Былины Сибири. Томск, 1966. № 119.

⁵⁵ Беларускі эпас / Склад. С.І. Васілёнак, М.Я. Грынблат, К.П. Кабашнікаў. Мінск, 1959. С. 57–61.

⁵⁶ *Герасимов Б.Г.* Из мира легенд и недавнего прошлого (этнографические мелочи) // *Записки Семипалатинского подотдела Зап.-Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва.* Вып. 4. Семипалатинск, 1909. С. 16–17.

⁵⁷ *Кибардин Н.Г.* Народные сказки, песни, предания и прибаутки // *Архив Рус. геогр. о-ва, Р.Х.* № 54, л. 22 (Вятская губерния, рукопись 1850-х гг.).

⁵⁸ *Харитонов А.* Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене) (из заметок шенкурца) // *Отечественные записки.* 1849. Т. 66. С. 283–284; *Троицкий Н.И.* Село Богучарово. Тула, 1914. С. 8; *Сахаров И.П.* Памятники Тульской губернии // *Записки отд. рус. и славянской археологии Имп. Археологического о-ва.* Т. 1. СПб., 1851. С. 46; *Немирович-Данченко В.И.* Колыбель миллионов: Очерки золотого царства, гл. 1–3 // *Исторический вестник.* 1884. Т. 16, № 6. С. 478–479; и др.

⁵⁹ *Майнов В.* Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877. С. 130. См. также: *Барсов Е.В.* Северные сказания о лембоях и удельниках // *Изв. ИОЛЕАиЭ.* Т. 13, вып. 1: Тр. этнографического отд. Кн. 3. М., 1874. С. 87–88; Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 3. С. 185–186; *Завойко Г.К.*

В Костромских лесах по Ветлуге-реке // Труды Костромского науч. о-ва по изучению местного края: Этнографический сб. Вып. 8. Кострома, 1917. С. 27–28; и др.

⁶⁰ Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996. С. 105.

⁶¹ Архив Рос. этнографического музея (АРЭМ), № 862, л. 3 (Череповецкий уезд Новгородской губернии). Об этом же: Харитонов А. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 292–293.

⁶² О мифологеме острова/камня — «всеобщего неиссякаемого источника жизни» см.: Денисова И.М. Образы острова и камня в русской фольклорной традиции: поиски семантических истоков // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 90–91.

⁶³ Немирович-Данченко В.И. Каторжная дорога // Исторический вестник. 1884. Т. 18. № 11. С. 280.

⁶⁴ Новичкова Т.А. К истолкованию былины о Потыке // Русская литература. 1982. № 4. С. 160.